

Не забывается такое никогда...

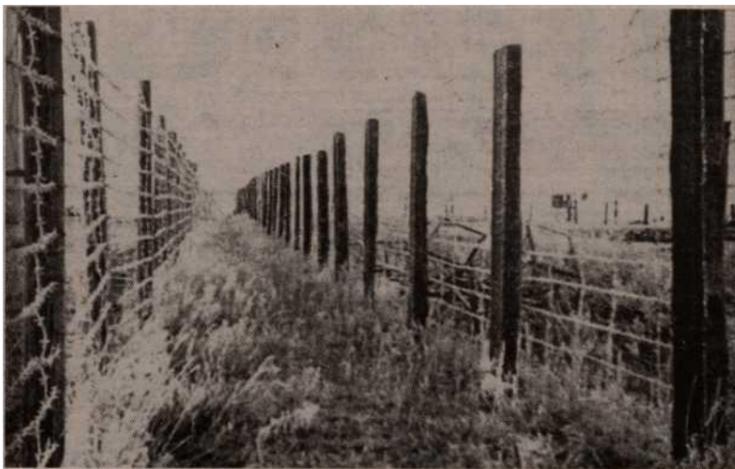
Ко Дню памяти и скорби

22 июня 1941 года - одна из самых печальных дат в истории нашей страны, начало Великой Отечественной войны. Путь к Победе был долгим и тяжелым - она досталась ценой 26 миллионов жизней.

И ныне день начала войны, отмечаемый как День памяти и скорби, напоминает нам обо всех погибших, замученных в фашистской неволе, умерших в тылу от голода и лишения.

ФАШИСТСКИЙ ЛАГЕРЬ СМЕРТИ «ШТАЛАГ-126»

В основе рассказа - подлинные события и документы.

20 июля 1941 года на окраине Смоленска, по ул. Краснинское шоссе (сейчас ул. Николаева), в бывших военных складах №105 немцами командованием был открыт концлагерь №126 и по соседству, на территории Нарвских казарм, - филиал этого лагеря. Туда поступали военнопленные Красной Армии со всех фронтов группы немецких армий «Центр». Вот как описывают этот лагерь смерти те военнопленные, которым посчастливилось выйти живыми из его стен.

Бывший военнопленный Итунин Г.М.: «Как только пленные поступали на территорию лагеря, прямо у ворот производился обыск, изымались часы, бритвы, ножи, плащ-палатки, одежда и обувь. После этого пленные без всякого учета загонялись в холодные бараки, совершенно не приспособленные для жилья - без отопления и деревянных полов. Люди настолько плотно набивались в бараки, что зашедшему туда первым не представлялось никакой возможности выйти наружу. Земляной пол был настолько сырым, что ноги утопали в грязи по самую голень. Когда начались морозы, люди примерзали к земле. Свои естественные потребности приходилось отправлять здесь же, в бараке, поэтому стоял невыносимый смрад, отовсюду доносились стоны больных и раненых, которых было очень много среди военнопленных, а медицинская помощь узникам не оказывалась. Больные тифом и дизентерией находились вместе со здоровыми, а потому болезни распространялись с ужасающей быстротой, и зимой 1941 года сыпной тиф распространился весьма широко, от него умерли тысячи пленных».

Из показаний бывшего военнопленного Ерпилова П.П.: «Я около месяца находился в смоленском лагере №126. Большой лагерь представлял собой ряд бывших военных складов с выбитыми стеклами, без дверей, пола, с разрушенными потолками и дырявыми крышами. Военнопленных набивалось столько, что нельзя было даже сидеть, только стоять днем и ночью. Два (но чаще один) раза в день выдавалась баланда, представлявшая собой жидкую похлебку на затхлои, грязной воде с ржаной мукой, без крупинки соли. Хлеб, наполовину состоявший из опилок, выдавали раз в сутки. Неудивительно, что пленные были истощены и посто

яно голодны, поэтому и смертность в лагере наблюдалась высокая: в день умирало до 300 человек. Каждое утро из всех барачных вытаскивали во двор раздетые до гола тела умерших. Там они валялись до тех пор, пока их не увозила специальная команда могильщиков. Хоронили умерших за лагерьем, в одной длинной могиле, наминавшей ров. Она протянулась вдоль ограды жуткой длинной лентой».

Как свидетельствует врач, бывший военнопленный Хмыров В.А., оказать нормальную медицинскую помощь больным в лагере не представлялось ни малейшей возможности - не было никаких лекарств: «В лагере существовал зверский закон, по которому все военнопленные должны были обязательно работать. С загонами в холодные бараки, оставляли на произвол судьбы, и они умирали из-за отсутствия ухода и питания. Для них существовал специальный барак №2, именуемый среди заключенных «барак смерти».

Если на третий день заболевший не выходил на работу, его расстреливали. Были случаи, когда больных людей, еще живых связывали, вытаскивали за ограду и зарывали в яму».

«Всем было объявлено, - рассказывал бывший военнопленный Волобуев А.И., - что больные дизентерией будут расстреляны. В декабре 1941 г. во время работы на электростанции немецкие конвоиры расстреляли нескольких пленных, пожаловавшихся на боль в животе, а трупы зарыли в горячую золу на территории электростанции».

Из показаний бывшего военнопленного Итунина Г.М.: «Всех попавших в лагерь евреев расстреливали. Военнопленных ежедневно гоняли на работу в город, а тех, кто был не в состоянии выходить из-за болезни или ранения, немцы оставляли в бараках без пищи. Голод, кошмарные бытовые условия, безудержный, изнурительный, непосильный труд довели некоторых заключенных до безумия, и они стали промышлять людоедством».

«В начале ноября 1941 г. я был очевидцем того, - рассказывал бывший узник лагеря Волобуев А.Г., - как на глазах нескольких тысяч заключенных немцы повесили четырех военнопленных. Перед началом казни начальник лагеря объявил, что эти лица осуждены за людоедство».

Из показаний бывшей военнопленной Шубиной Т.Д.: «Зимой 1942 г. я наблюдала, как четырех заключенных повесили якобы за людоедство. Один из них, перед тем, как ему на шею накинули веревку, просил палачей оставить его в живых, уверяя, что людоедством не занимался. Но его все равно повесили».

«В лагере был организован строгий режим. Все бараки - изолированы друг от друга колючей проволокой. Никто не имел права переходить из барака в барак. За каждым барачником была закреплена команда полицейских во гла-

ве со старшиной. В их задачу входило выявлять политсостав Красной Армии и евреев, а также бывших работников НКВД...»

... Все полицейские по барачникам были подчинены русскому коменданту лагеря, которым с начала его существования до августа 1942 г. являлся Костромин, бывший капитан кавалерийской части, попавший в плен к немцам под г. Волоковск. Он как комендант лагеря ревностно относился к своим обязанностям и установил в лагере жесткую дисциплину. Его заместителем был Зелинский, бывший старший лейтенант войск связи. Каждый день он ходил по лагерю с резиновой плеткой и избивал пленных».

После Костромин комендантом назначили Романенко власовца, которому за «заслуги» по лагерю №126 немецкое командование пожаловало «Железный крест» 2 степени. Этот человек отличался зверской жестокостью и поддерживал тесную связь с руководством гестапо.

Начальником полиции лагеря был Григоренко, бывший старший лейтенант. Он также не брезговал систематическим избиванием узников и отбирал у них личные вещи. Весной 1942 г., в связи с переводом Григоренко комендантом в другой лагерь, начальником полиции назначили Долганова, бывшего председателя райсовета ОСО Износковского района Смоленской области. Его знал весь лагерь как крайне свирепого и кровожадного человека. У Долганова была специальная резиновая плетка с железным наконечником, которую он называл «советская премия». После него начальником полиции стал Тупицин, любимец шефа гестапо Гисса, который за усердную работу в лагере был также награжден «Железным крестом» 2 степени.

Всей полицией лагеря руководил зонер-фюрер Гисс. Свою карьеру он начал рядовым солдатом в этом же лагере. По личному распоряжению Гисса в лагере №126 был оборудован подземный каменный бункер - карцер, в котором он держал всех работников политсостава Красной Армии, НКВД и евреев, выявленных в лагере. Прежде чем попасть в этот бункер, военнопленных до потери сознания избивали гестаповцы» - **из воспоминаний Итунина Г.М.**

Массовые избиения узников и их расстрел по всякому поводу или прихоти фашистских захватчиков были самым обычным делом в лагере. Особенную изобретательность в деле издевательства над пленными проявил Радтке Рудольф.

«13 октября 1941 г. в лесу, в районе п. Семлево, я был взят немцами в плен. Всех пленных немцы стягивали в Вязьму, а затем большими партиями отправляли по маршруту «Вязьма-Дорогобуж-Ельня-Смоленск». И за все 8 дней пути пленные не получали абсолютно никакой пищи. Потом людей гнали, как скот, а если кто-то выходил из общего строя или отставал, безжалостно расстреливали. Так, на

каждом отрезке пути погибали 7-8 военнопленных. Для ночлега и остановок выбирались, как правило, открытые снегу, дождю и ветру места. После одной такой ночевки 20% из числа пленных больше не могли подняться», - **так вспоминали бывшие военнопленные Итунин и Ерпилов...**

В фашистском лагере «Шталаг-126» за время его существования (с 30.07.1941 г. по 25.09.1943 г.) от истощения, эпидемии тифа, дизентерии, холода, изнурительного, каторжного труда погибло 60 тыс. бойцов и командиров Красной Армии. В том месте, где располагались лагерь и могилы-траншеи, уже много десятилетий цветут цветы, низко склоняя свои головки. Птицы не вьют здесь своих гнезд и не поют громко. Печально скользят солнечные лучи, по этой земле и тускло мерцают ночью звезды, словно оплакивают погибших.

А. Ковчан